

Алвис Херманис, сыновняя ностальгия.

Photo Leonard Zubler

Гундарс Аболиньш, Юрий Баратынский и Оливер Стаковски в спектакле «Отцы».

Спектакль «Väter», «Отцы», размышления на вечную тему отцов и детей в форме документального рассказа, продолжает постоянную тему Херманиса об ушедшей эпохе. Как будто его мучает вечная ностальгия по прошлому. На этот раз он попросил трех актеров вспомнить о своих отцах, а потом составил из наиболее интересных эпизодов этот спектакль-коллаж. В одном пространстве спектакля сведены немец, латыш и русский. Уже в таком соединении кажется изначально подразумевается конфликт. Ничуть не бывало. По Херманису, несмотря на все различия, люди близки друг другу. И попытки найти эту близость ему кажется интереснее и ценнее, чем культивировать национальные вопросы. И так успешный немецкий актер Оливер (Оливер Стаковски), латышский актер Гундарс (Гундарс Аболиньш, известный по роли Сони в одноименном спектакле Херманиса) и русский рижанин, художник Юрий Баратынский – очень разные, с очень разными биографиями, рассказывают друг другу истории из собственной жизни и жизни своих отцов. Один отец - полицейский из немецкой глубинки, другой – латыш и актер, третий - русский, бывший политзаключенный, много лет просидевший в лагере, а ныне-сторож на фабрике в Риге. Рассказывают, подробно воссоздавая маленькие детали быта, как знает и умеет делать Херманис, и передает своим актерам. Как отцы бреются, как пьют. Как наставляют сыновей в любовном опыте, как дают первые уроки жизни.

Мужские игры, мужские ритуалы, как этот подробный ритуал выпивания водки бывшим лагерником Баратынским. Есть много смешного - как, например, Аболиньш – старший по-ночам стирал белье, или как папа-полицейский на старости увлекся кулинарией и с любовью готовит для внуков шпинат с сосисками. В распоряжении актеров - три столика и самые обычные бытовые предметы из прошлого: старый чемодан, бритва, дневник зека, громкоговоритель, потретые ботинки, авоська с бутылками. В эпизоде, когда Баратынский-отец тайком закаливал новорожденного сына в проруби – кукла и

корыто, а ошущение подлинности переживания - абсолютное. И тот же эмоциональный накал, когда Юрий рассказывает, как тайно выслеживал другую женщину, которую, он это знал, много лет любил его отец. А постоянным фоном ко всему действию служит задник из меняющихся панно-фотографий отцов, выполненных в манере американских гиперреалистов.

Однако, странном образом через натуралистический быт у Херманиса воссоздается бытие, а не жанровая картинка прошлого. Три разных характера, три судьбы, абсолютно непохожие, и в то время в конечном счете обнажающие общий корень. От отцов- статья, и какая-то на самом деле глубинная самость. Если понятно как многое разъединяет этих отцов, можно найти тем не менее общее - сильный характер и любовь к сыновьям. Связь отцов и детей не внешняя (например, у отца, вполне реакционного полицейского, сын-анархист и убежденный пацифист), а внутренняя, глубинная. Режиссера интересует некая родовая память, которая нас формирует, а не традиционный конфликт отцов-детей. Не судить отцов, но попытаться понять. Действие спектакля помещено в пространство между тремя гримуборными, в которых на протяжении всего действия (а это больше трех часов) гримеры что-то старательно проделывают с лицами актеров. Так что от сцены к сцене трое исполнителей становятся все больше похожи на своих отцов, вплоть до того, что в финале отец и сын окончательно сливаются. Герои постепенно начинают осознавать в себе собственных отцов, вплоть до того, что в конце и внешне становятся ими.

Стиль спектакля тоже не традиционный. Это на первый взгляд документальный театр, но он также далек от политического ангажированного театра 60-х, как и от стиля современного английского вербатима, густо замешанного на социальной проблематике маргиналов и голом натурализме. У Херманиса, несмотря на обилие натуралистических деталей, быт всегда остраивается, преодолевается театром, всегда присутствует радость от игры, которую испытывают и актеры, и зрители. Не случайно, спектакль начинается со сцены, в которой два актера, латыш и немец подробно рассказывают о своих гримерках, и мы тут же видим два панно с нарисованными гримерными). У Оливера гримерная отличается порядком и почти асептической чистотой. У Гундарса - художественный беспорядок и типичная, немного убогая, но в общем-то даже уютная, обжитая обстановка гримерки советской эпохи, с такими узнаваемыми предметами быта, как холодильник «ЗИЛ» и электрический кипятильник. А потом они переходят к своим актерским карьерам, и даже устраивают маленькое соревнование актерских способностей, виртуозно воссоздавая на сцене образ мухи. Этакий ироничный мастер-класс и гимн всем актерам, не зависимо от амплуа - ведь Оливер обычно играет Гамлета, а Гундарс - в лучшем случае Призрака.